

ВИКТОРИЯ МАЛЬЦЕВА

75
МИНУТ
КНИГА II

ИТРЫ

НА РАЗДЕВАНИЕ

18+

Виктория Мальцева

Игры на раздевание

Серия «15 минут», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65760949

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95922-4

Аннотация

Викки родилась особенной. Она легко складывает в уме многозначные числа, но не выносит громких звуков и не может отличить стёб от дружелюбия. Уже в 17 лет ей становится ясно, что романтические отношения не для неё – попросту нет на земле человека, готового любить её вместе с «особенностями». Но в 22 года она садится на единственное свободное место в автобусе и оказывается рядом с Каем.

Ей давно уже хотелось «попробовать секс» и узнать, наконец, что они чувствуют – все остальные, здоровые люди. Кай от предложения не отказывается, но на утро так сильно обижает Викки, что у неё случается давно забытый приступ – мелтдаун. В тот момент они оба не могут себе даже представить, как много им ещё предстоит и как прочно они уже связаны...

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Проволочное сердце	6
Глава 2. Просветление	16
Глава 3. Первая вечеринка или месть, которой нет	26
Глава 4. Озеро Сасагат	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Виктория Мальцева

Игры на раздевание

Пролог

Наши дни. 6/06/ 2019

IAMX 'This Will Make You Love Again'

– Что случилось?

– Кай разбился. Вылетел с автобана на своём Порше.

Пауза.

Пауза и пустота.

– Когда?

– Сегодня днём... Мы звонили тебе несколько часов подряд! Какого чёрта ты не брала трубку?!

Белые магнолии плывут, растягивая хвосты в спектре солнечных лучей, размываясь в кометы. В лёгких спазм, но дыхание есть, невзирая на внутренний вопрос «Зачем?».

– Викки? Викки! – доносится из трубки. – Виктория!

– Говори дальше! – прошу её шёпотом.

– Машина всмятку, Лейф сказал – металлом.

Она говорит о машине. Почему она говорит о машине? Почему не о человеке?

– Кай? – и это в большей степени стон, чем вопрос.

– Спокойно! Держи себя в руках, поняла? Он жив. Жив

ещё...

– Жив?

Жив, жив, жив... в ушах шёпот с британским акцентом.

– Да, но переломан... сильно.

Такого ещё не было? Вот такого, как сейчас, разве не было? Из меня уходит кровь... куда? В землю. Земля вытягивает её через ноги, руки, через поры. Так быстро... И мне холодно. Мне так холодно... и страшно.

Да... в *тот* раз, такого не было. Потому что Кай *был*... У меня был ещё Кай.

– Да не ори! Дура! Не ори, слышишь! Жив он! Ещё жив! Хватай такси, тащи свою задницу сюда, в Ванкувер Дженера-рал Хоспитал... Успеешь!

В это мгновение я падаю в пропасть, стою на коленях перед судьбой и раболепно молю её о снисхождении.

– Успеешь! – отвечает она голосом Адити.

Глава 1. Проволочное сердце

Семнадцать лет назад

Mazzy Star – Fade Into You

Мне было... двадцать два, и ходила я мимо этого сердца около года: ржавое, замызганное, выброшенное и более никому не нужное, оно день за днём валялось под ногами на перекрёстке у фонарного столба, рядом с кампусом. Несколько колец из тонкой проволоки, поперечно обмотанных ею же и сдавленных чьими-то пальцами в форму сердца.

В утренней спешке я чаще всего пролетала мимо, уже привычно здороваясь с ним взглядом, но иногда, в особенно задумчивые дни, размышляла о его судьбе: «Случайно потерялось или чья-то рассерженная рука выбросила тебя тут страдать в одиночестве?»

И однажды я его подняла. Отряхнула от налипшего за месяцы дождей песка, не рассматривая, сунула в карман – подумала, ему будет неприятно, если стану оценивать. Даже не подумала – почувствовала.

В тот же день произошла встреча.

Это был день подведения итогов четырёхлетней учёбы в Университете Британской Колумбии – получение Диплома Бакалавра Биологии. Торжественно вручённый в мои дрожащие руки документ откроет для меня двери медицинской школы, а за ней и лечебных учреждений для прохождения

резидентуры.

Несколько часов спустя, а точнее почти уже ранним июньским вечером, скинув чёрное манто и дурацкую квадратную шляпу, я влезая в городской автобус, вынимаю из кармана проездной и прикладываю к сканеру:

– Спасибо! – улыбается водитель и получает ответ в виде моей лучшей «карманной» улыбки.

В передней части автобуса всё свободно, но страх выглядеть невоспитанным эгоистом, нагло усевшимся в «пензионерской зоне», так прочно въелся в каждого ванкуверца, что я уверенно шагаю в заднюю часть. Почти все места заняты кроме двух: рядом с улыбчивой пожилой женщиной, сверкающей пирсингом в носу и ушах, и возле спящего молодого человека.

Не задумываясь о собственных мотивах, плюхаюсь в кресло рядом с парнем. Мой сосед дремлет, запрокинув голову на спинку, скрестив на груди руки и вытянув ноги под переднее сидение. Первое, что я замечаю – индейские кожаные браслеты на его запястьях, они необычны, потому что в традиционные ленты вплетены деревянные шарики различных оттенков – из разных пород дерева. Я стараюсь смотреть в окно, но взгляд сам собой цепляется за сидящего рядом, и я всматриваюсь в его умиротворённое сном лицо. Автобус выезжает на перекрёсток, оставив позади здания и деревья, заслонявшие до этого солнце, и останавливается. Свет, заполнивший салон, так ярок, а я сижу так близко, что, кажется,

вижу каждую клетку кожи на лице парня, каждый волос пробивающейся на щеках щетины. Мне нравятся его брови: ровные, чёткие, в меру густые – такие же, как у меня, но на его лице они почему-то выглядят лучше, благороднее что ли. Я ещё не понимаю, что это, не осознаю, но чувствую уверенность и силу, безмятежность и покой: черты его лица словно знают, как сильно я этом нуждаюсь, и молчаливо обещают обо всём позаботиться.

Автобус проезжает одну остановку за другой, я уже потеряла им счёт, совершенно не беспокоясь о том, где нахожусь, и как долго мне ещё ехать. Внезапно он сворачивает, и молодой человек слегка наваливается на меня плечом. Прикосновение длится не более секунды, но производит неожиданный эффект: я, законченный интроверт, страдающий, к тому же, лёгкой формой гаптофобии, испытываю головокружительное удовольствие от обычного толчка плечом в общественном транспорте.

Парень открывает глаза, и первое что ему попадается – это я. Тут случается другая странность: я не выношу чужих взглядов и всегда отворачиваюсь, но не на этот раз. Наверное, всё дело в зелени: никогда ещё в своей жизни я не видела настолько ярких зелёных радужек – изумрудных.

Mazzy Star – Common Burn

Мы долго смотрим друг на друга, замерев и боясь пошевелиться, нарушить что-то неопределённое, но интуитивно бесценное. В чувство нас приводит внезапный и почему-то

как никогда пронзительный сигнал, оповещающий водителя о желании пассажира выйти на следующей остановке.

Я не отвожу взгляд, а буквально отскакиваю им, как резиновый мячик, и прячусь в плетении тканевых волокон на своей сумке. Но периферическим зрением всё-таки вижу, как мой сосед весь собирается, усаживается ровно, подбирает ноги, пнув перед этим рюкзак под сиденье со своей стороны, чтобы не мешал моим ступням. А он мне и не мешал.

У молодого человека настолько длинные ноги, что пространства между сидениями не хватает, чтобы их уместить, ему приходится либо максимально развести колени, либо занять часть территории соседа, то есть меня. Теперь мне становится понятным, почему несколько человек едут стоя, и никто не додумался усесться рядом с ним – мало места. А я села, потому что половины сидения мне вполне достаточно: мы, двое нестандартных пассажиров, идеально, так сказать, подходим габаритам этого автобуса именно в паре.

Парень сладко зевает, прикрыв рот рукой, я решаюсь взглянуть на него, и мы снова смотрим друг на друга. Он будто бы чувствует себя неловко, но приносить извинения за релакс в общественном транспорте нет надобности. Или есть? Видимо нет, потому что он запускает пятерню в свои волосы, с целью придать им цивилизный вид, и отворачивается к окну.

Странное состояние: я расстроена и обрадована одновременно. Мне и хочется, чтобы он здесь был, и не хочется, и

приятно, и страшно. С одной стороны жду внимания, с другой боюсь – такие ощущения для меня новость, совершенно непознанное, а потому пугающее состояние духа. Незнакомые молодые люди со мной обычно флиртуют или, как минимум, заговаривают. Исключение составляют лишь те, кто уже успел меня узнать: для них я не существую как объект, способный реагировать на внимание. И хотя к двадцати двум годам у меня уже довольно неплохо получается «не выделяться», общение с людьми всё ещё стремится к нулю.

Лихорадочно пытаюсь вспомнить, где бы мы могли пересекаться с соседом по автобусному сиденью, но безрезультатно: я его не знаю. Он посматривает на меня искоса – нагло разглядывать не решается, но я чувствую, что именно это он и делает. Не зная, куда себя деть, начинаю суетиться и вынимаю из сумки... книгу.

IAMX – The Chauffeur

Сегодня моя соседка по комнате Адити всю ночь не спала – читала, терзая мою нервную систему светом Икеевского торшера, и напоминать ей, человеку с соответствующим, хоть и неоконченным, медицинским образованием, о роли мелатонина в качественном здоровом сне было бесполезно. А утром она бросилась в атаку с призывом:

– Ты обязана ЭТО прочитать! Такая книга... ТАКАЯ книга! Мне жизненно необходимо её с кем-нибудь обсудить, или я схогну от эмоций! Ты понимаешь?!

Вообще, вот уже четыре года единственное, что я читаю –

это литература одного жанра – научного – медицинского, но Адити неугомонна, суёт книжку мне в сумку со словами:

– Прочти хотя бы первые семь глав, там такой момент будет, такой момент... такой герой!

И вот, пытаюсь унять панику, я вынимаю шедевр из сумки и вижу на обложке этого самого героя, обуреваемого страстью к неземной красоты мадаме на фоне эдемских цветов. Быстро раскрываю произведение ровно посередине: главное, чтобы сосед не успел рассмотреть обложку. Глаза в строчках, а мысли мои далеко... очень далеко.

Внезапно слышу странное хмыканье. Поворачиваю голову: глаза незнакомца поблёскивают, рот растянут в улыбке, и вообще ему, похоже, очень весело.

Мысленно окрестив невежу придурком, возвращаюсь к страницам из дешёвенькой бумаги и на этот раз действительно читаю...

«... Родриго освободил из плена свой посох любви, купая при этом Эльвиру в бурлящем океане своих жадных поцелуев.

И тут я ещё не соображаю, о каком посохе речь, поэтому продолжаю читать дальше:

«Когда на посохе показалась жемчужина страсти, Эльвира взмолила Родриго о пощаде, и тот со звериным возгласом ворвался в её пещеру...».

Тормозной путь у меня довольно долгий, но когда происходит окончательная остановка, с моей эмоциональностью

приключается очередной коллапс: глаза едва не вылезают из глазниц, щёки в мегаскоростном режиме нагреваются до температуры готового к использованию утюга. Если меня сейчас перевернуть вверх ногами и опустить головой в ведро с водой, я её точно вскипячу.

Пунцовая, тяну руку в опасной близости к незнакомцу, но сейчас меня вообще это не заботит, хватаюсь за шнур, дёргаю за него так, что едва не вырываю с корнем, требуя немедленно остановить автобус. Затем срываюсь к выходу. А мой сосед, тем временем, прикрыв рукой глаза, бесстыдно ржёт – его плечи и спина содрогаются в каком-то нервно-веселящемся ритме. Ещё успеваю заметить, что ему не только для ног не хватает места, но и плечи не умещаются в периметре спинки сиденья – маловато ширины.

Отсмеявшись, он медленно, неторопливо, даже как-то вальяжно вытягивает свой рюкзак из-под сиденья, не без труда поднимается и направляется в мою сторону. Я отворачиваюсь и становлюсь ещё пунцовее – от стыда горят не только щёки и уши, но, кажется, и волосы тоже. Ну, Адити! Ну, зараза! Устрою же я тебе ночь со светомузыкой сегодня!

Виновник расстройтва моего духа становится прямо у меня за спиной, и коротюсенький путь до остановки превращается в пытку моего самообладания.

К вопросу секса я отношусь... я к нему вообще не отношусь. Если учесть, что прикосновения близких вызывают дискомфорт, а контакт с посторонними – панику, секс, соот-

ветственно, давно вычеркнут из списка возможной активности. Моё будущее предрешено, жизнь распланирована и расписана едва ли не по минутам: я буду лечить детей. А годам к тридцати прибегну к методу искусственной фертилизации и рожу одного ребёнка. Возможно, двух. Поэтому интеракции с противоположным полом никогда не занимают ни моё время, ни сознание.

Однако Адити уже удалось немного раскатать эту установку словами:

– Как так, прожить жизнь и не испытать самое главное в ней удовольствие? Ты что? Совсем того... дурная?

Сложно спорить с наличием в этой глубокой мысли некоего рационального зерна, но как представлю нависающую над собой обезьяну, одну из тех, что учатся со мной на курсе, мною тут же обуревают не страсть, а дикое желание уничтожить мужскую популяцию как таковую. Только папу можно было бы оставить, если б он был ещё жив.

IAMX – Think of England (acoustic)

Автобус останавливается, я выскакиваю, как ошпаренная и тут только соображаю, где нахожусь, и что успела проехать восемь-десять остановок мимо. Теперь нужно возвращаться: перебегаю дорогу, занырываю под навес остановки и упираюсь взглядом в... шагающего прямо на меня соседа.

Да что ж это? Не то, чтобы я его боялась, но всё это как-то... очень странно. И подозрительно.

– Вы меня преследуете?

– Нет, – улыбается.

– Вам же нужно туда! – тычу рукой в направлении всё ещё виднеющегося «нашего» автобуса.

– Я проспал свою остановку.

У меня мурашки. По спине, рукам, ногам и даже волосы немного дыбом: потому что БРИТАНСКИЙ АКЦЕНТ! Мой любимый. Чеканность слов, грация в темпе и ритме интонаций, стройность фраз, а голос... он словно завязывается не в голосовых связках, а где-то значительно ниже – в груди. Глубоко внутри этого громадного в сравнении со мной тела. Теперь, когда мы оба находимся в вертикальном положении, вопиющая разница в росте заставляет меня ощущать себя кнопкой.

– Ладно, – говорю.

Парень небрежно бросает рюкзак прямо на асфальт и, обняв себя руками, ждёт. Так же как и я. Так же, как и я, старается не смотреть в мою сторону.

– А Вы тоже... обратно? – вдруг спрашивает.

– Да.

– Зачитались?

Вот же наглец! Бесстыжий!

– Не Ваше дело, – говорю, не поворачивая головы.

– Зря Вы так... реагируете. Что естественно, то...

– А что естественно? – тут уже я поворачиваюсь к нему всем телом.

Он что? Начнёт мне сейчас толковать про посохи с жем-

чужинами? Или про огнедышащие пещеры? Или как там было?

– Ваш интерес к...

– Нет у меня никакого интереса! Это вообще не моя книга! Это подруга дала! Попросила... прочитать, – кажется, я загнала себя в логический тупик.

Он пожимает плечами, продолжает глумиться взглядом:

– Я не имею ничего против.

Вот именно! Ещё бы он был против!

Но акцент... я не перестаю жадно ловить интонации в голосе незнакомца, невзирая на стыд, возмущение, раздражение. Автобус прибывает очень скоро, я бегу в самый конец – только бы подальше от моего нравственного позора, и парень, Слава Богу, догадывается остаться в среднем секторе в ущерб себе: стоя, хотя рядом со мной есть свободные места.

Странно, но я огорчена, и досажую на двусмысленность собственных желаний: всю поездку не прекращаю искать и находить глазами самую высокую фигуру в салоне. И она на месте, небрежно сложив руки на поручне, за который нормальные люди обычно держатся, чтобы не упасть. За всё время пути он ни разу не посмотрит в мою сторону, а я немое, глухо, прячась от самой себя, буду уговаривать Вселенную, чтобы высокий парень проехал хотя бы ещё одну остановку вместе со мной...

Глава 2. Просветление

Наши дни. 6/06/ 2019

IAMX – Screams

Вначале прихожу в себя. У меня снова был приступ, но сейчас мне плевать.

Потом бегу.

Долго бегу. Пока не приходит понимание, что направление не задано, коллапсирующий мозг не выдал команды. Я даже не знаю, что это за улица, что за дома вокруг и люди... все чужие. Чужие люди повсюду.

С возвращением первых проблесков сознания пальцы набирают службы такси: милые леди, одна за другой приносят тысячи канадских извинений за отсутствие свободных машин в моей зоне.

– Мне нужно в больницу! – рыдаю в трубку.

– Извините, мэ, звоните в имёрдженси!

Меня не покидает чувство нереальности происходящего:

– Я ненавижу вас, – говорю ей, а самой страшно от внезапного спокойствия в голосе. – Ненавижу всех, всё, этот мир презираю и себя... тоже. Больше всего – себя.

Но мозг работает. Хоть и лихорадочно, однако пытается соображать, потому что душе необходимо быть в одном единственном чётко определённом месте, а душа – в теле. И тут я вспоминаю... что у меня есть машина. Да, я же те-

перь сама вожу. Где-то здесь, неподалёку, на гостевой парковке шестиэтажного дома с цветными магнолиями во дворе должна быть моя белая BMW.

Сморю на трясущиеся пальцы, линии на потных ладонях, кладу их на диск руля: я в сознании и почти в норме, но в таком состоянии за руль нельзя.

– Соберись, – приказываю себе вслух. – Хотя бы раз в жизни соберись! Один раз сделай хоть что-нибудь правильно!

А руки всё трясутся. Ловлю собственный взгляд в отражении зеркала заднего вида. Какие же у меня глаза... карие. Какие они, к чёрту, бархатные? Дьявольские. Больные. Цвета помешательства.

– Что смотришь? – спрашиваю. – Теперь только поняла? Теперь только, да? Когда всё, абсолютно всё перестало иметь смысл?

Зубы стучат. Ног не чувствую – чёртова Арктика. И лететь никуда не нужно.

Внезапно слышу негромкий стук по стеклу и тень, но моё тело даже не вздрагивает, а подскакивает, как резиновый мяч...

Семнадцать лет назад

The Verve – Bitter Sweet Symphony

В день нашего бракосочетания я не могла оторвать от Кая глаз. Мне казалось, мои совсем не цепкие руки умудрились отхватить у судьбы самый большущий кусок счастья, и я заглотила его, не жуя, чтобы не отняли. Он весь, целиком, до

самой последней крошки был во мне и распирает вечным, как я тогда была уверена, сиянием моего чувства.

– Твой будущий муж – очень хитрый и расчётливый человек, Виктория, – сказала мама, зашнуровывая на моей спине дорогое кремовое платье. – Но надёжный. Лучшие браки получаются именно с такими, как он – умными, уравновешенными, сбалансированными. В этом возрасте у парней ещё дурри хоть отбавляй, а у него трезвый, оценивающий взгляд на всё, без исключения – как у глубоко зрелого человека. С таких мужчин начинаются кланы...

– Ты-то откуда знаешь, Боже мой! – звенела я смехом, сияла улыбками.

– Опыт, дочь. Бесценный, наслоившийся за годы опыт. И твой отец был таким же. Если бы не умер, достиг бы очень многого, очень... А у вас вся жизнь впереди. Пусть она будет долгой!

Мы познакомились... Чёрт возьми, я даже не могу сказать, когда именно. Это была череда встреч, где ни один из нас незнакомился с другим, но в определённой точке этого «незнакомства» мы уже прочно и безоговорочно друг друга знали.

Однажды вечером, вскоре после конфуза в автобусе, Адити заявила со свидания немного нетрезвой, но безобразно воодушевлённой:

– Я нашла тебе работу.

– Мне? Серьёзно?

– Ага. В клинике, оказывающей деликатные медицинские услуги. А если говорить по-простому, то в венерологическом кабинете.

– Да ладно!

– Не крути носом! Первая работа, она, как и первая машина, должна быть такой!

– Какой?

– Непрезентабельной.

– А сама чего не идёшь?

– Это не вписывается в мою жизненную философию. А вот в твой долгосрочный план – вполне.

Работа оказалась несложной: запись пациентов, документооборот, ответы на телефонные звонки. Зелёную медформу я носила гордо, но к практической стороне оказываемых медицинских услуг даже не прикасалась: для этого у нас имелся целый комплект дипломированных врачей и их ассистентов. Обнадёживающей частью моего трудоустройства являлось обещание администратора со временем повысить меня до ассистента. Но мне больше нравилось верить в то, что до этого моя карьера всё-таки не доползёт.

Здрав руки кверху, я связываю свою чёрную длинную гриву в хвост, как вдруг колокольчики у входа вздрагивают, и в приёмную входит мужчина.

ОН.

И что мне сразу не понравилось, так это то, что я мгновенно его узнаю.

С едва заметной улыбочкой ОН останавливается у стойки и пялится на меня, ожидая внимания:

– Привет!

– Добро пожаловать в нашу клинику, – мисс «сама учти-вость». – Вам назначено, или вы хотели бы записаться на приём?

– Хотел бы записаться.

Думаю, в тот миг, когда мой мозг посетила коварная мысль, приёмную озарил свет от вспышки дьявольского предвкушения в моих глазах.

– К которому из специалистов? – стараюсь максимально «потушить» свой энтузиазм.

– А кто у вас есть?

Перечисляю имена практикующих в нашей клинике андрологов- венерологов, а в голове стремительно зреет план отмщения.

– Миссис Керрфут мне подойдёт, – делает он выбор, но... его улыбка смахивает на зловещую.

«Какого чёрта?» – думаю. Разве не должен он стусеваться в таких пикантных обстоятельствах? Где бегающий потупленный взгляд, вкрадчивый голос, опущенные плечи жаждущего сжаться до размеров горошины грешника?

И если до этой его наглости у меня и были микроскопические сомнения, попрекающие не так давно данной клятвой Гиппократа, то теперь...

– Миссис Керрфут сможет принять Вас через три недели,

если нет острых симптомов.

– У меня острые... очень острые! – его лицо, наконец, приобретает подобие скорби, кулак нервно сжимает белую футболку на груди.

На мгновение во мне поднимает голову сострадание, но память живенько так предъявляет наглое лицо этого поборника нравственности, его дёргающиеся от гомерического смеха плечи и мой конфуз несколько недель назад. Не знаю, за что я жаждала ему отомстить: за насмешку или за саму ситуацию в целом, но потребность отплатить той же монетой со значительным отрывом обгоняла здравый смысл:

– Хорошо. Посмотрим, что можно сделать, – утешаю страждущего от венерической хвори пациента, сохраняя видимость профессионализма. – Я задам несколько вопросов.

– Да, конечно! Сколько угодно, мисс... – приглядывается к бейджику у меня на груди, – мисс Виктория, вам эта одежда не великовата?

Великовата. Но моего размера в магазине униформы не было, а мне нужно было срочно заступать, поэтому мои и без того малость детские плечи и руки утопли в необъятной рубахе.

Сложно держать себя в руках, но ещё тяжелее скрывать раздражение, которое этот тип с самодовольной рожей всезнайки так бесперебойно генерирует в моём эмоциональном поле.

– Ваше имя?

– Кай.

– Фамилия?

Он на мгновение запинается, затем медленно произносит:

– Керрфут.

Мне кажется, из моих глаз сейчас посыплются огнеопасные искры и весь этот офис вспыхнет, как нефтяной склад.

– Извините, но боюсь, здесь не место для шуточек и...

Прямо перед моим носом на стойку дерзко ложится пластик водительской лицензии, на которой ровными английскими буквами ныне действующего алфавита указано: Кау Керрфут.

– Однофамильцы, – совершенно спокойно и даже мягко сообщает пациент, пряча права в задний карман джинсов.

Я записываю имя в анкету, прикреплённую зажимом к картонному планшету, которые мы обычно выдаём клиентам для самостоятельного заполнения. Но вот этому кандидату на приём мне важно оказать максимальную помощь.

– Среднее имя?

– Его нет, вы же видели мою лицензию.

– Возраст? – не могу перебороть себя и опускаю обязательные ВАШ и ПОЖАЛУЙСТА.

– Двадцать три.

– Адрес?

А далее... а далее, следуют вопросы, из-за которых я могу потерять работу, но накал звона в моих ушах так силён, что голос разума услышать практически нереально:

– Как часто живёте половой жизнью?

Девушка, сидящая в кресле у двери, мгновенно отрывает накрашенные глаза от книги и вонзает их в моего пациента. Но даже это не способно сбить меня с толку. А пациент, прищурившись, сообщает:

– Часто.

– К сожалению, в анкете нет такого варианта ответа. Более одного раза в неделю, более трёх раз в неделю, более пяти раз в неделю, более десяти...

– Более десяти.

Само собой, эта часть нашего диалога не могла остаться незамеченной – взгляды всех присутствующих в зале голов устремились на нас. И негодовать по поводу того, почему всем этим людям нельзя заниматься своими делами, а нужно совать свой нос в чужие дела, бесполезно.

Я сбавляю громкость:

– Какие у Вас симптомы?

– Что? – спесь слетает с его лица.

– Что Вас беспокоит?

Он тянет с ответом и я, болея душой за качество сервиса клиники, ну просто вынуждена предлагать варианты:

– Болезненное мочеиспускание?

Кивает.

– Зуд и жжение в уретре?

Оглядываюсь на проход, ведущий к приёмным комнатам – не идёт ли кто из наших докторов: все эти вопросы имеет

право задавать только врач и только в интимной обстановке
врачебного уединения.

– Гнойные выделения?

Кивает. Глаза становятся больше, как и зрачки.

– В каком количестве?

– В большом количестве.

– Повышение температуры тела, боли при акте дефекации?

Меня несёт на крыльях злорадства. Причём на всех парах, да так, что я уже генерирую вопросы, которых нет и в принципе не могло быть в анкете:

– Вступали ли Вы в половые связи с представительницами древнейшей профессии? – и меня даже не смущает пафосность формулировки моего «опросника».

– Кай? Ты уже здесь? Почему не позвонил, сынок?

Мать моя женщина... Вернее, эта женщина и в буквальном смысле моё прямое начальство – его мать?

Пока я, уже даже не рефлексируя по поводу концентрации красного и буйства его оттенков на моём лице, прикрываю одной рукой глаза, а другой сминая листок опросника, Миссис Керрфут подплывает всей необъятностью своей фигуры к Каю и тянется с поцелуем. Он вынужден согнуться едва ли не вдвое, чтобы её губы имели шанс дотянуться до его щеки.

– Мам, я тороплюсь, – протягивает ей автомобильные ключи. – Всё сделали, я проверил – прогнал её по первому шоссе, стука больше нет. Масло поменяли, прокладки, заме-

нили колодки, проверили тормоза. Пользуйся.

– Спасибо, сынок! Выручил. Зайди ко мне, хоть поешь!

– Нет, я серьёзно опаздываю. Да и Лейф с Олсоном ждут в машине, я же твою гнал.

– Хорошо, хорошо! В воскресенье жду вас с Дженной к обеду. Не забудь!

– Хорошо.

И, уже звеня колокольчиками входной двери, Кай Керр-фут словно бы невзначай вспоминает обо мне:

– Пока! На приём заскочу как-нибудь в другой раз, – подмигивает.

Но меня всё это совершенно уже не волнует, потому что в голове застряло только одно имя:

Дженна... Значит, Дженна.

Глава 3. Первая вечеринка или месть, которой нет

Семнадцать лет назад

The Verve – Bitter Sweet Symphony

В школе я мечтала о пробирках, мне казалось, нет занятия интереснее, чем разглядывать под микроскопом живые клетки, находить аномалии, патологии, проводить исследования.

В итоге, поступила на факультет биологии. Именно там я и повстречала Адити – мою первую настоящую подругу. Мы не просто не были похожи, а будто прибыли на Землю с разных планет, однако, каким-то странным и даже чудесным образом говорили на одном языке.

Наша дружба началась с диалога:

– Почему ты не снимаешь с шеи этот платок? Жарко же!

На прямолинейный вопрос даю чистосердечный ответ:

– Потому что в этом месте у меня уродливый шрам – не хочу пугать общественность.

– Дай посмотреть.

Я развязываю шёлковый шарф и выгибаю шею так, чтобы любопытству было удобнее себя удовлетворять.

– Чёрт, это круто. Реально круто!

– Ты считаешь? – удивляюсь её горящим глазам.

– Ты же девушка с изюминкой! Парням нравится защищать слабых. А ты с этим отпечатком чего бы там ни было выглядишь так, будто именно тебе эта забота нужнее всех! Я Адити, – протягивает руку. – Тебе больше нравится кровать у стены или у окна?

– Ты серьёзно мне уступишь?

– Почему нет?

– Когда-нибудь ты уступишь мне в чём-нибудь для меня важным, – подмигивает.

Походы на вечеринки – все, до единого, были моими ей уступками. Я точно не знала, какую цель преследовала Адити, таская меня на них, но допускала, что она просто не в состоянии понять степень моего мучения всякий раз, как я оказываюсь в гроыхающем музыкой замкнутом пространстве, набитом незнакомыми людьми. Поэтому мои уступки случались крайне редко и только потому, что являлись частью моего собственного плана социализации. И к тому же, за каждую подобную вылазку я выдавала себе стимулирующую награду – лимонный торт.

Это была не первая в моей жизни вечеринка, но совершенно точно первая настоящая, когда хитросплетения человеческих симпатий внезапно становятся частью тебя. Ты больше не аутсайдер.

Оказалась я на ней по причине, не нарушающей традиций:

– Викки, только ты своей непорочностью способна удержать меня от очередного грехопадения! – взмолилась в одно

прекрасное июльское воскресенье Адити. – Только оденься по-человечески.

В результате долгих и мучительных споров мы сходимся на джинсах и блузке. Но когда Адити предъявляет мне жёлтые босоножки на высоченной танкетке с заявлением: «Твой рост может заинтересовать только педофилов», у меня возникают подозрения, что миссия моя заключается вовсе не в избегании секса, а в удвоении его количества. Как бы там ни было, я соглашаюсь. Причин у меня для этого масса, и Адити совершенно не обязательно о них знать.

В квартире на тринадцатом этаже новой стеклянной высотки, расположенной в одном из недешёвых районов Большого Ванкувера – Китсилано, я сразу чувствую себя не в своей тарелке. На подобных мероприятиях со мной никогда не случается ничего хорошего.

Я слышу голос. Среди всей какофонии звуков – орущей бестолковой музыки, смеха, возгласов, монотонного гула чьих-то историй, мои уши улавливают один особенный мужской голос. Необычный. Он громкий и глубокий, даже где-то грудной, но главное – терзающий нечто первобытное в тебе своим мужским тембром и породистым британским произношением. Такими голосами говорят рекламы дорогих автомобилей.

Мои глаза рыщут в толпе, шарят и находят: ну конечно! В моей жизни не бывает простых случайностей, только сложные. Я не знаю, о чём они говорят, и успеваю выхватить лишь

отрывок беседы:

– Женщина умеет творить магию и красоту, её любовь – это солнечный зайчик, отражение света в воде, – говорит парень с татуировкой не злой, но опасной собаки на плече.

– Как это, Лейф?

– На самом деле, проще некуда: мужчина – солнце, женщина – вода, если солнце светит, его отражение в воде расцветчивает их мир бликами.

Лейф обнимает свободной рукой сидящую рядом симпатичную девушку и кивает в сторону монитора, показывающего сменяющиеся изображения очертаний обнажённой пары – ничего пошлого, всё скрыто бледными цветными пятнами.

– Если светит... – повторяет за ним девушка с волосами, похожими на паклю.

– Да, Дженни, только если солнце светит, вода даёт жизнь.

Дженни... Я сразу обратила внимание на её волосы: какая-то пародия на кудри. Волосы ведь тоже выются по-разному, у Дженны настолько мелко и некрасиво, что её локоны, скорее, не локоны, а тусклые спутанные дреды. Вероятнее всего, она использует какую-нибудь выпрямляющую химию, чем только усугубляет ситуацию.

– Каким светом будет светить твоё солнце, если вода плеснёт в тебя предательством? – негромко интересуется британский акцент.

Не в шумной квартире в целом, но в этом тесном круж-

ке сидящих на диванах людей виснет неловкая пауза. И мой незнакомец продолжает:

– Если не знаешь, что ответить, я помогу: сначала будет один большой «пшшшшшшш», – он разводит руками, – потом несколько столетий ядерной ночи. В конце, если повезёт – очень тусклый свет. Потому что светить у тебя больше нет ни сил, ни желания.

– Люди ошибаются, Кай! Никто не безупречен, такие вещи случаются...

– Всему виной свободная любовь, свободные отношения, эмансипация, опять же – не мы это придумали, Кай! Скажи нашим родителям «спасибо»! – предлагает свой вариант Лейф. – Верность, честь и порядочность уже давно стали атрибутами рыцарской эпохи. Женщины равны в правах с мужчинами, все хотят секса и все хотят разнообразия...

– Иногда нужно прощать, а в отдельных случаях это жизненно необходимо! – выдаёт красивая черноволосая девушка. – Ситуации бывают разные, и знаешь, я бы выбрала любовь и время рядом с любимым, а не принципы, которые делают всех несчастными.

Кай молчит, затем с неподдельной тяжестью в голосе выдаёт:

– Думаешь, *так* ты будешь счастлива? Предательство убивает всё. Предательство уничтожает всё. Предательство нельзя прощать! НИКОГДА НЕЛЬЗЯ ПРОЩАТЬ!

В его последней фразе столько экспрессии, а может, ви-

ной всему его чеканный британский говор, но у меня на руках, шее и спине поднимаются невидимые волоски, ползут мурашки, да так резко, что я даже вздрагиваю.

Он чувствует мой взгляд и непроизвольно смотрит в моём направлении. Отводит глаза первым, делает глоток из своей банки с пивом. Кто-то из ребят спрашивает:

– И что дальше?

– А дальше ничего, – отвечает своим завораживающе тяжёлым голосом.

– Как это, ничего?

– А вот так. Нечто в любой момент может превратиться в НИЧТО.

– А НИЧТО в нечто! – добавляет та самая девушка, волосы которой похожи на паклю, и улыбается ему так, словно оборачивает, окутывает его собой.

Но его глаза снова на мне, всего несколько мгновений мы смотрим друг на друга, и именно в этом ничтожно малом отрезке бесконечного времени решается наше будущее, а мы двое замерли, застыли на месте, не дыша и наблюдая за тем, как судьба скрипит пером, вписывая в свою скрижаль наши имена, располагая их рядом, вместе.

– Интересный этот парень, – тычу пальцем в моего автобусного незнакомца.

– Да, классный, – соглашается Адити.

– Голос у него необычный.

– Голос? Да ты обрати свой девственный взор на эти пле-

чи, руки, талию... мать честная!

Да, мой незнакомец хорошо сложен. Даже слишком. Мужского много не только в его голосе, но и в каждой детали впечатляющей пропорциями фигуры. Смятая вечеринкой футболка собирается влажными складками на его плечах и лопатках, вызывая желание протянуть руку и отлепить от его кожи, снять и вышвырнуть вон, а затем внимательно изучить то, что он там прячет под ней.

А может, это просто мартини шалит в моей не привыкшей к градусам голове.

Hammock – Tether of Yearning

Подумав эту мысль, я решаюсь выйти глотнуть воздуха на террасу. От открывшегося вида перестаю дышать: когда-нибудь, когда стану самым лучшим в Ванкувере, да что там, во всей провинции педиатром, куплю себе квартиру в Китсилано. И обязательно в высотке, на одном из верхних этажей, чтобы вот так, как сейчас, любоваться горами...

Воздух в тот вечер был совершенно прозрачным, что редкость в наших краях, и горная гряда на фоне залитого лилово-оранжевым закатом горизонта виднелась чётко, как на открытке. А под ногами – тёмные северные воды залива Беррард. Мне казалось, я даже видела мерцающие вдалеке огни нашей столицы и моей тёзки Виктории на острове Ванкувер.

Шум отъезжающего в сторону слайда балконной двери заставляет меня вздрогнуть и практически застыть: это он. С его присутствием терраса сразу становится вдвое меньше.

Или это я в страхе ожидаю ответа на мои глупости в клинике. Горы всё так же прекрасны, залив всё так же холоден, только небо становится более тусклым и света всё меньше, прямо как в картине недавно нарисованной этим парнем – жизнь после ядерной ночи.

Я жду от него каких-нибудь обидных или, по крайней мере, едких слов. Но он молчит, в его руках сигарета и зажигалка.

– Будешь? – предлагает мне.

– Я не курю, – отвечаю, копируя его спокойствие в голосе, почти умиротворение.

Он кивает, прикуривает, а я замороженно наблюдаю за мерцающим красным огоньком в его руках.

Вечер безветренный, но дым медленно тянется в мою сторону, одевает меня облаком.

– Извини, – и я обнаруживаю, что британский грудной голос может быть не только громким и тяжёлым, но и очень мягким и тихим. – Давай поменяемся местами? Тянет в твою сторону...

Мне показалось, или это «Тянет в твою сторону» действительно было двусмысленным?

– Давай, – соглашаюсь.

Мы меняемся и в процессе успеваем обменяться короткими взглядами. Очень короткими, но у меня возникает ощущение такого тончайшего восторга, когда ты с придыханием наблюдаешь таинство, совершаемое в церкви.

Он не курит. Этот парень точно не курильщик. Есть люди, способные складывать большие числа в уме, целиком запоминать поэмы, прочитав их лишь раз, а затем пересказывать, произнося слова задом наперёд, я же гениально различаю запахи. Это часто помогает в диагностике в те редкие случаи, когда меня подпускают к пациентам – до полноценной практики ещё очень далеко. Так вот, я могу безошибочно определить заядлого курильщика, и даже сделать предположение о том, курит ли он травку, Мальборо или тонкие с ментолом. И вот там, в автобусе, рядом со мной сидел парень, который не курит. И сейчас в его руках нет пачки, а только одна сигарета. Может, перенервничал и решил снять стресс? Или же его сюда потянуло сквозняком, как дым в мою сторону?

Он чуть приподнимается на носках и искоса смотрит на меня. И я не выдерживаю: изо всех сил толкаю тяжёлый балконный слайд, но, когда твои нервы на пределе, руки страдают слабостью. Не сразу, но очень скоро рядом с моей ладонью ложится большая мужская ладонь, и дверь легко отъезжает в сторону.

– Спасибо, – бормочу.

– Пожалуйста, – получаю спокойный ответ.

Переживательная волна прибывает к берегу Адити, благо подруга ещё не успела обзавестись перспективным кавалером. Краем глаза я вижу, что мой незнакомец тоже покидает балкон и занимает позицию неподалёку от нас, всё время поглядывает в нашу сторону, причём так, будто слушает то,

о чём мы говорим. Поэтому на вопрос Адити «Почему бы тебе с ним не замутить?» я отвечаю:

– Потому что терпеть не могу, когда лица мужского пола отрачивают волосы. Это уже не парень получается, а страшная девица.

Адити прыскает смехом, не стесняясь ржать во всю глотку, а я, проявив неосторожность, сталкиваюсь взглядом с обсуждаемым. Что странно, он не злится и даже не обижается, он улыбается.

Вот чудак! – думаю.

И тоже улыбаюсь. Невольно. Мне действительно не нравятся парни с каштановыми волосами, тем более, длинными. А зелёный цвет глаз – самый нелепый и некрасивый. Сам по себе. Но вот странное дело: смешавшись в одно, все эти нелюбимые оттенки человеческого облика произвели на свет весьма горячего парня. Горячее не бывает.

Глава 4. Озеро Сасамат

RAFFERTY – Sweet Thing

Озеро Сасамат не самое живописное из всего обилия и многообразия водоёмов, доступных жителям Большого Ванкувера, но определённо самое популярное у молодёжи. А всё благодаря поперечному канатному мостику и двум плавучим бетонным площадкам, сконструированным здесь для удобства любителей рыбной ловли, но достающимся им исключительно ранней весной и поздней осенью – вне купального сезона. Всё лето здесь оттягивается молодёжь.

– В воскресенье едем на Сасамат, – сообщает из ванной Адити, перепачканная зубной пастой.

– Нет. У меня дел полно: почитать хочу кое-что по ранней диагностике, да и к маме нужно съездить – в прошлое воскресенье были же на вечеринке. У тебя не одно, так другое...

– Во-первых, диагностику читать ещё рано, в ближайшие годы мы будем учить анатомию и фармакологию, а Красавчик спрашивал, придёшь ли ты!

– Какой ещё красавчик?

– Тот, что отвёз нас после вечеринки в кампус в прошлое воскресенье – британец.

К моим щекам приливает кровь...

– Ну-ну, не блисти так глазами, а то ослепну! – смеётся подруга.

– Не верь всему, что кажется!

– Кажется мне не это, а то, что твоей девственности придёт-таки долгожданный конец! Аллилуйя!

Не имея своей машины, мы с Адити, прибываем к месту сбора всей компании с опозданием в полтора часа: автобусы – крайне ненадёжное средство передвижения.

– С первой же зарплаты куплю себе машину, – злится Адити, вываливаясь из автобуса – её укачало.

– Для начала было бы неплохо устроиться хотя бы на одну работу, – замечаю ей.

– Отстань! – отмахивается.

Плавучие пирсы мы находим быстро – Адити здесь не в первый раз, в отличие от меня. Платформы битком набиты молодёжью, негде яблоку упасть. Кругом гремит музыка – один проигрыватель старается переиграть другой, не умолкает девичий смех и басистый хохот ребят. Те, кому не нашлось места на разогретом солнцем бетоне, плавают кто на чём: на розовых фламинго, единорогах, альпака и просто надувных бубликах или матрасах. Пиво периодически извлекается из-под понтона, упакованное в рыболовное сито, редет и прячется обратно – подальше от всевидящего ока полицейских, время от времени совершающих свои обходы с целью поимки отдыхающих, промышляющих незаконной ловлей рыбы, или молодёжи, злоупотребляющей горячительными напитками.

Я ищу среди счастливых загорелых лиц знакомые и не сра-

зу, но нахожу: девушка с паклей вместо волос тут, её подружка Марина также, и философ Лейф.

– Вон наши, – тычет в их сторону рукой Адити, и я удивляюсь: когда это они успели стать «нашими»?

«Наши» между тем активно двигают попами, чтобы освободить клочок места и для нас с Адити. Подруга смело обнажает свои сексуальные формы, втиснутые в открытый белоснежный купальник, я же долго сражаюсь с нерешительностью, убеждая себя в том, что раздеться сейчас необходимо, иначе стёба не избежать. И если в восемнадцать я искренне не понимала, что же со мной не так, то теперь, в двадцать два, будущий врач и взрослая женщина чётко осознавали недостаток сексуальности как в физическом своём воплощении, так и в духовном. Мне казалось, что на фоне всех остальных девушек я выглядела невидимкой: худая, маленькая, сложенная правильно, но без бонусов.

– А где Кай? – озвучивает мой главный вопрос Адити.

– Уехали с Олсоном за пивом – жарко сегодня, чуть не рассчитали запасы, – тянется на солнце Марина. – Скоро должны вернуться, а что?

– Да ничего, – ведёт плечом Адити. – Просто заметила...

– Мы с Олсоном *вместе*, – напоминает Марина с нажимом на *вместе*. – Имей в виду!

А вот это уже было напрасно. Зная мою подругу, смазливый черноволосый Олсон, изрисованный татуировками, до этого момента не представлял для неё ни малейшего инте-

реса, но вот теперь...

– Да без проблем! – усмехается Адити. – А Кай свободен?

Но к моему величайшему прискорбию ответить Марина не успевает, потому что самой тихой и незаметной фигурой коллектива всё же заинтересовались:

– Слушай, ты! Да, ты, чёрненькая! Ты из Бразилии?

– Нет, – отвечаю.

– А откуда?

– Отсюда.

– А чего такая чёрная?

– Такой родилась.

– Да ни фига она не чёрная! Броуди, отвали от неё, а? – вступается Адити.

– Да она мне на хрен не сдалась! Хотя... монахинь у меня ещё не было!

Общественность перекатывается сальными смешками, я заливаюсь краской и напрягаюсь.

– А ты из Бразилии? – Марина, кажется, впервые меня заметила.

– Мой отец из Бразилии. Я родилась здесь, – отвечаю ей.

– И мой из Бразилии, и я тоже родилась тут! Марина, – протягивает мне руку.

– Виктория... Но мы уже встречались.

– Встречались, но не знакомились. А это вот – моя подруга Дженна.

– Очень приятно, – мы жмём друг другу руки.

И Марина, поправляя свой невероятный сиреневый купальник, переключается на более ей интересное:

– Броуди, тебе нужно окунуться: смотри-ка, весь потом покрылся!

Ребята поддерживают её не самую смешную шутку смехом – если у тебя уже сложился авторитет, то он всегда работает на тебя.

– Это не пот! Это слёзы его внутренностей! – гремит уже знакомый бас с британским акцентом, и все головы устремляются в его направлении.

Если бы не голос, я ни за что не узнала бы Кая: в солнечных очках, красной бейсболке задом наперёд и футболке с канадским кленовым листом и отрезанными рукавами. Он сбрасывает с плеча большую и, судя по напряжённым мышцам его рук, тяжёлую сумку, её тут же передают Марине, и она отдаёт приказ:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.